

Секция 7

КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРГА: ИСТОРИЯ, МЕТАФИЗИКА, МЕНТАЛЬНОСТЬ

23 мая 2008 г. СПбГУП, ауд. № 537

Руководитель секции

ПИГРОВ Константин Семенович — заведующий кафедрой социальной философии и философии истории СПбГУ, доктор философских наук, профессор

К. С. ПИГРОВ: — Я очень рад, что здесь собрались философствующие любители Петербурга. Хочу поблагодарить Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — замечательный

и удивительный во многих отношениях вуз — за организацию столь грандиозного мероприятия. Сегодня у нас есть возможность послушать людей, которые любят Петербург.

С. А. Лишаев¹

МЕТАФИЗИКА ПРОСТОРА И ЭСТЕТИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Эстетика Петербурга — эстетика архитектурного обрамления открытых речных пространств, а также пространств, сознательно введенных в городскую ткань планировщиком (площади, проспекты, каналы). Эстетика простора здесь соединяется с пафосом строгой, классической архитектурной формы, нацеленной на формирование гармонически-стройного городского пространства. Эстетика петербургского пространства — результат осознанного культивирования простора, следствие долговременной градостроительной стратегии, нацеленной на резервацию и обустройство больших участков открытого пространства. Пространственная эстетика Санкт-Петербурга способствует формированию городской среды, которая создает благоприятные условия для возникновения у человека особенных (эстетических) переживаний. В Петербурге событие эстетического восприятия пространства часто возникает в зонах соприкосновения простора, сознательно допущенного в пределы города, и упорядоченной, «правильной» застройки.

Что же такое простор как эстетический феномен? Слово «простор», в отличие от «пространства», указывает на определенную, топологически конкретную пространственную данность и на ее эмоциональную привлекательность. Именно эмоциональное «излучение», исходящее от простора, отделяет его от «пространства вообще». Простор — это обширное пространство, воспринимаемое по горизонтали. На просторе ничто не нарушает чистоты зрительного поля, по которому гуляет не встречающий препятствий взгляд. В переживании простора обнаруживает себя чистое пространство как простираемое. Но ведь *простота*, безыскусность есть — в пределе — *пустота*, *незаполненность*. Пусто-

та простора впускает. На просторе пространство воспринимается как впускающее, дающее место, дающее *возможность* быть, присутствовать. Пространство в его чистоте-простоте — вот предмет нашего созерцания на просторе. Восприятие простора есть восприятие чистого пространства как имеющего вид (образ, форму). С чем же сопряжено чувство радости и душевного подъема в момент, когда мы созерцаем открытое пространство? Чем влечет нас простор? В эстетическом расположении простора мы встречаемся с пространственной данностью чего-то *безусловно особенного, Другого (Иного)*.

Простор как опыт чистого пространства, как чувственная данность того, *из чего* сущее «имеет место», может быть осмыслен как *чувство возможности*: возможности быть там или здесь, двигаться туда или сюда. Переживаемое в опыте простора пространство как возможность занять место есть в то же время переживание воли. У свободы, как у воли, которая вошла в определенное русло, также имеется пространственный эквивалент — пространство улиц и площадей, интерьеров жилищ и общественных зданий. В той мере, в какой эти замкнутые пространства воспринимаются как *просторные*, они — эстетически — соответствуют концепту свободы. Просторное — это расположение и соответственно чувства, которые имеют место, когда мы воспринимаем какое-то пространство как относительно свободное и обширное.

Простор чистого поля, моря или широкой реки — пространственно-эстетический аналог воли как чистой возможности иного. Простор проспектов, улиц и площадей Петербурга — архитектурный аналог воли, поставленной под контроль разума, то есть свободы как добровольного ограничения возможностей. Простор улиц и площадей — это простор, введенный в строгие рамки рационально организованной жизни «цивилизованного общества».

¹ Руководитель Центра философских и эстетических исследований Самарской гуманитарной академии, доктор философских наук, профессор.

Петербург интересен столкновением первородного простора «открытых пространств» с началом рационально-волевого, планомерного упорядочения пространства. Взаимодействие эстетического эффекта *порядка, формы* и эффекта *отсутствия формы, отсутствия границы* (по горизонтали) рождает чувство торжественности, величия и уравновешенного покоя, то есть той строгой и возвышенной гармонии, которая волнует нас, когда мы любуемся панорамой города с одной из невских набережных.

Пространственная открытость Петербурга символически выражает открытость России новому, небывалому. Город обращен к реке и морю, устремлен в неведомое будущее. Простор как главный градостроительный принцип Петербурга — это контрапункт к уюту замкнутого на себя и собира-

ющего вокруг себя людей, дома и княжества центростремительного пространства Москвы. Невский простор и строгая, четкая линия набережных — это напряженная гармония натянутого лука. Петербург являет нам пространственный образ разума, обуздавшего волю, давшего ей определенную форму, «направление». В центральной его части, на старинных набережных Невы можно одновременно ощутить и богатство ничем не ограниченных возможностей (эстетика простора), и решимость ввести неопределенность возможности в строгие рамки порядка (эстетика формы, предела). Так предел и беспредельное, простор и порядок соединились в самом центре Северной столицы, и из их противоречивого союза возникла градостроительная гармония «классического» Петербурга.

* * *

Г. Ф. СУНЯГИН¹: — Этот вопрос я задаю всем, думаю, может, вдруг кто-нибудь знает ответ. На Северо-Западе нет места, менее подходящего для города, чем устье Невы. В северной части Ленинградской области есть возвышения, глубокая вода, так сказать, обзор, в южной — Красная Горка, устье Луги. Как Вы думаете, почему Петр I выбрал это болото?

К. С. ПИГРОВ: — Отвечайте за Петра, Сергей Александрович.

С. А. ЛИШАЕВ: — Мне очень трудно ответить за Петра, тем более что я не занимался этим вопросом с исторической точки зрения. Очевидно, Петр выбрал это место для строительства города, потому что Нева все-таки судоходная река, и здесь она выходит в море.

Г. Ф. СУНЯГИН: — Там Маркизова лужа, какой выход?

С. А. ЛИШАЕВ: — Я могу ошибаться, но мне кажется, что для Петра было важно охватить невский водный простор. Ему, сознательно или бессознательно, было необходимо нечто такое, что могло бы продемонстрировать мощь державы. Широкая, полноводная, разветвляющаяся на рукава река давала такую возможность. Это ставило перед Петром трудные градостроительные задачи и в то же время давало единственный шанс, потому что, собственно, кроме этой мощной реки, ничего такого особенного, на чем можно было бы «сыграть», у него не было.

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ²: — Это один из самых любопытных вопросов, на который официальная историография почему-то не дает ответа. Мне кажется, ответ кроется в истории Северной войны. Не зря говорят, что основание Петербурга — это гениальная ошибка Петра. У него не было выбора. Обратите внимание на историю Северной войны: он терпел поражение за поражением, отступал на восток, и когда ему удалось захватить крепость Ниеншанц, то и там оказалось невозможно заложить город, потому что это место находится далеко от моря и совершенно открыто с севера. У него не было иного выхода, он пошел искать место опять же к востоку от шведов, отступал, пока не уперся в самую восточную точку Финского залива.

К. С. ПИГРОВ: — Но строить начал на северном берегу.

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ: — Строить начал между севером и югом, на Заячьем острове. Это тоже была необходимость, потому что Заячий остров в плане представлял собой как бы палубу корабля, на которой можно было со всех сторон установить орудия и защищаться от врагов. А потом произошло то, что всегда происходило в Средние века: под защитой крепости, под ее стенами возник город. Даже имя — Санкт-Петербург — не просто было дано городу, а произошло от названия крепости. Потом, когда заложили собор Петра и Павла, крепость стала называться Петропавловской, а первоначальное имя крепости перешло к городу. Все произошло случайно, это действительно гениальная ошибка Петра.

Е. А. КАЙСАРОВ³: — На выбор места для строительства города повлиял целый ряд факторов. Я согласен с историческим, политическим, международным факторами, о которых уже говорили, но есть еще природный, психологический. Петербург располагался на пересечении активных геологических разломов земной коры. Именно в таких местах и появляются города. Вблизи геологически активных зон стимулируется творческое начало личности, находятся наиболее благоприятные и комфортные территории для проживания человека. Развитие почти всех крупнейших городов мира происходило именно в таких зонах. По одной из гипотез, через пересечение тектонических разломов происходит энергоинформационный обмен между Землей и Космосом. Именно в таких зонах и должен селиться человек. Утратившие эту связь с Вселенной обречены на вымирание. Необходимо отметить, что из 147 православных храмов Петербурга 80 % находятся на расстоянии 50–200 м от осей геологических разломов.

Очень показательным было отношение Петра I к воде. В детстве он страдал водобоязнью, которая развивалась у него после того, как вместе с матушкой Натальей Кирилловной он чуть было не утонул. Знахари, пытаясь излечить его от этого недуга, явно перестарались. Такое «медицинское» воздействие на него привело к тому, что он уже не мыслил своей жизни без водных пространств. В устье Невы он построил себе Подзорный дворец, в котором мог находиться сутками, глядя на воду, паруса кораб-

¹ Профессор кафедры социальной философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

² Писатель.

³ Доцент кафедры культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук.

лей, проплывающих мимо. В любую погоду передвигался по воде, заставляя своих приближенных терпеть неудобства.

К. С. ПИГРОВ: — Мне кажется, в вашем докладе есть некое противоречие. Обратите внимание на фундаментальную бинарную оппозицию, которую сразу задал Сергей Александрович. Это оппозиция, идущая из Ригvedы, — ширь и узь. Вы обозначили в докладе ширь, но любой город, даже Петербург, — это всегда узь, и когда мы говорим о том, что своеобразию города грозят какие-то высоты, это не совсем верно. Устремленность ввысь обозначена уже в Петропавловском соборе, и вообще стремление к вертикалям присуще любому городу. Узь противостоит шири, и значит, как в Ригvedе, так и в Петербурге существует борьба шири и узи. Поэтому

я не думаю, что строительство какой-то новой сверхвысотки радикально противоречит традиции. Наоборот, это как раз и есть традиция города.

С. А. ЛИШАЕВ: — Да, город — это узь, но уникальность и своеобразие Петербурга заключается в том, что здесь эта узь не подавляет ширь, а ширь живет внутри этой узи, если угодно, и они находятся в активном взаимодействии. Если говорить о творческой, позитивной, толкающей вперед энергетике, то она возникает именно тогда, когда обе тенденции сильны. Шпили Петербурга не массивны, они поднимают небо, но не заслоняют простор, оставляют его сильным. А если мы построим монолитные высоты, отовсюду видные мощные вертикали, то они просто подавят этот простор, и этого эффекта не будет, а он исключительно важен, как мне кажется.